

НАУЧНЫЕ ОБСУЖДЕНИЯ

ТУПИК В НАУКЕ И КАК С НИМ БОРОТЬСЯ*

Бирман И.

(США)

Статья Е.Н. Кузнецова (см. наш журнал за 1991, том 27, вып. 4) нацелена на принципиальную проблему и дает удобный повод обсудить существенные материи, причем в журнале по принадлежности. Искреннее спасибо автору, но натурально сосредоточусь не на комплиментах, а на наших несогласиях. Вопросов много, текст, неожиданно для меня самого, получился предлинным, все же к некоторым из них я еще вернусь (в частности, в "Экономических сказках ЦРУ"). Упоминаю фамилии ответственно, т.е. полагаю, что достоверность моего пересказа не будет оспорена. А к несхожести мнений я привычен.

Автор верно указывает различия в понятии "экономист": на Западе оно уже относится главным образом к занимающимся макропоказателями (народнохозяйственными проблемами). Ниже я говорю о собратях по ремеслу в этом западном смысле.

Читатели помоложе вряд ли знают, что еще с конца 1950-х я занимался экономико-математическими методами, обильно писал о линейном программировании, оптимальном отраслевом планировании, межотраслевом балансе, теории игр (странным образом в этом журнале ничего не напечатал)**. Так что не измысливайте, что не осилив сию премудрость, посею и твякаю на "настоящих профессионалов"; мое главное утверждение — западная экономическая наука тоже далека от совершенства, и отшатываясь от марксизма, не след оголтело в нее кидаться. Четверть века назад я предварил книгу "Оптимальное программирование" уверением, что изо всех сил старался не перематематизировать и недоэкономизировать; на том стою и теперь.

1. Вот ключевое, хоть и засунутое в сноску, утверждение (стр. 767): "Необходимо различать экономическую советологию как некую маргинальную область исследований, не имеющую особой теоретической базы и объединяющую чрезвычайно широкий круг специалистов, которые изучают нашу реальность нередко на дилетантском уровне, и советологию как основную часть современной экономической науки в целом, с ее чрезвычайно высокими критериями профессионализма, применяющую ее инструментарий к одной из сфер экономической реальности — советскому хозяйству. Число первых советологов по крайней мере на порядок больше, чем вторых. Непрерывающиеся рецепты, как нам жить и что делать, исходят именно от них".

Академический 17-томный словарь трактует "маргинальный" как "написанный на полях" (немногим лучше относится к термину "Словарь иностранных слов"), но не будем придираться. Важнее, что не ведаю я в Америке "чрезвычайно широкий круг специалистов", коих к тому же "на порядок больше", хотя и "не имеющих особой теоретической базы", но не желающих прекратить рецепты. Скажем, массу интервью московской прессе дал Василий Леонтьев (особенно "Правде"), в коих много чего

*От редакции. По настоятельной просьбе автора статья не редактировалась.

**Вроде бы моя диссертация (кандидатская, выше не сподобился) была второй в стране по экономико-математическим методам, а аттестат старшего научного сотрудника по специальности "Экономико-математические исследования" я ухватил первый.

присоветовал; он что "маргинальный", без "особой теоретической базы"? Бывал последние годы в Москве Эйб (Абрам) Бергсон, даже "Огонек" описывал его советы-рецепты, он что тоже из этого "чрезвычайно широкого круга" работающих без "чрезвычайно высоких критериев профессионализма"? (замечу в скобках, что несмотря на регалии я не очень согласен с их конкретными рецептами; впрочем, еще много лет назад в Президентском адресе Американской ассоциации экономистов Леонтьев высмеивал чрезмерные претензии эконометристов).

Явным образом наш автор имеет в виду, хотя прямо не говорит, что есть экономисты, употребляющие массу математики, надо понимать, их он и относит к покоящимся на теорбазе, и те, которые математику не применяют (изучают экономику "на дилетантском уровне"), понимай — "маргинальные". Впрямь, возрастающая часть советологов зело упражняется в формальных построениях, где реалии советской экономики (такой уже нет, здесь и ниже термин относится к прошлому) используются в лучшем случае как пример*, хотя другие, в том числе едва ли не неизвестные — Грегори Гроссман, Гертруда Шрудер, математическим аппаратом не балуются.

Увы, существенной разницы промежду разными советологами в верности результатов, их соответствии реалиям я не обнаружил; если не бояться точных слов, то в наиболее фундаментальных по значимости оценках "советского хозяйства" вся школа в целом блистательно обанкротилась**. Наименее интересны оказались те, которые употребляют этот самый инструментарий, т.е. без значков не пишут (по оценке нашего автора, советологи "высочайшего профессионализма"), хотя есть исключения в обе стороны. Наоборот, значительны работы Алека Нова (мы часто спорим, но его аргументы и мнение всегда интересны), а за последние годы в первый ряд выдвинулся Андиш (Андерс) Ослюнд — оба бегут формул и прочих модных аксессуаров.

Приходится также сказать, что провал экономической советологии несправедливо отделять от "основной части современной экономической науки в целом"***. Дело не только в том, что советологи обретаются на обычных кафедрах экономики, но и в том, что "общие экономисты" молчаливо, а то и вслух, соглашались с невеждами (или шарлатанами). В 1964 вышла на русском классическая "Экономика" Пола Самуэльсона, глава о советской экономике изъята как "не представляющая интереса для советского читателя"; уже в Америке я ее прочитал и согласился с цензорами — интересны в главе, пожалуй, лишь ошибки. Поскольку в остальном учебник великолепен, приходится понимать так, что автор доверился советологам. В конце 1970-х маститый Евсей Домар подпер своим авторитетом ведущих советологов, отвергших рукопись моей книги ("Secret Incomes of the Soviet State Budget" позже издана в Голландии), где доказан дефицитный характер советского государственного бюджета и опасность дальнейшего роста денежных накоплений населения. Человек весьма приятный, широко образованный, первоклассный экономист, он еще в 1950-х взял сторону Бергсона

*Году в 1980 тогдашний редактор *Journal of Comparative Economics* долго объяснял мне, что они не занимаются конкретно советской или иными однотипными экономиками, но рассматривают некоторые модели: полу-, а то и совсем абстрактные. Действительно, советологи этого направления вычисляли производительность (productivity) советской экономики, используя официальную статистику без попыток каких-либо поправок, но делали глубокомысленные выводы из результатов.

**Чтобы на этом не застревать, сошлось на мою статью в "Вопросах экономики", 1990, № 7. Читателю может быть интересно мнение Роберта Гейтса, недавно — директор ЦРУ. На слушаниях в Комитете по разведке сенатор Билл Брэдли пытался выяснить, почему ЦРУ так ошиблось во всех оценках советской экономики, а один эксперт (присущая мне скромность не позволяет называть фамилию) — попал по всем пунктам? Оправдываясь, Гейте заметил, что "использовавшаяся в течение десятилетий основная модель весьма мало напоминала реальность".

***А с другой стороны, от ничуть не меньшего неуспеха неэкономической советологии. На общем фоне возвышается такой гигант, как Ричард Пайпс, все же общий уровень скандально низок. Пример — кремлянологи десятилетиями пробавлялись рассуждениями насчет борьбы за власть в Политбюро; Пленум ЦК КПСС иначе не назывался как "определяющий политику". От моих возражений, что Пленум спокон веку голосовал единогласно, а в Политбюро царствовал генсек, отмаживались. Е. Лигачев на мой вопрос в ноябре 1991 в Вашингтоне, сколько раз на его памяти Политбюро голосовало до 1989 против генсека, честно ответил: "Ни разу".

против самого Наума Ясного*. Другой пример: в начале 1980-х Эд Денисон, тоже из первых экономистов Америки, дал весьма положительный официальный отзыв на работу ЦРУ, сравнившую уровни потребления в СССР и США и создавшую "научную основу" для кучи нелепых выводов. Еще: в ноябре 1990 г. конференция под эгидой Академии наук США, на которой председательствовал не меньше, чем Нобелевский лауреат по экономике, Лоренс Клайн, согласилась с оценкой ЦРУ, что советский валовой национальный продукт составляет более половины от американского (я один возражал на конференции против этой ахинеи)***. До сих пор не видел в печати и намека на критику экономистами коллег-советологов.

Большинство ученых экономистов на Западе, среди них — Нобелевские лауреаты, премного горды широким применением матаппарата, а общественный престиж экономической науки невысок****. В 1985 Гарвардский "зав. кафедрой" экономики Цви Грилихес возразил мне тем, что все больше студентов записывается на их курсы; пришлось указать на небесспорность критерия. Где-то я уже писал, что успех американской экономики не связан непосредственно с уровнем экономической науки. И напомним известное — некоторые экономисты знают, что они ничего не знают, а остальные не знают даже этого.

2. По всему тексту получается, что есть некая общая экономическая наука, а занятия особенностями конкретных стран суть нечто "маргинальное", не больно профессиональное. Точка зрения распространена и не очень верна. Действительно, многие общие понятия и концепции вполне универсальны, годятся для экономик разного типа, однако недостаточно специфицированный подход (т.е. фокусирующийся на абстракциях и игнорирующий конкретные особенности конкретных стран) чреват неудачами. По-моему, именно опора на западные общеэкономические теории послужила одной из коренных причин советологического неуспеха: и сами эти теории недостаточно совершенны, и мало они подходят к экономикам советского типа. Так, конфуз вышел на суждениями, основанными на понятии "предельной склонности к потреблению на потребление". "Нервночность" советских цен углядели, но попытки "подправить" их свелись к манипуляциям с перераспределением прибыли по отраслям (так называемый Adjusted Factor Cost Approach Эйба Бергсона) — создалась иллюзия, что манипуляции делают цены "правильными", и ими пользовались в различных расчетах, упорно не видя, что главные пороки при этом никак не преодолевались (тут надо похвалить Алека Ноува: понимая суть манипуляций, он тщательно избегал употреблять высчитанные в ЦРУ оценки советской экономики)****.

Следующий пример тоже кажется уместным. В июне 1991 мне довелось обсуждать с Джеффри Саксом реформы в Польше и к востоку от нее. Мы разошлись насчет очередности: по его мнению и совету (кстати, его тоже наш автор отнесет к "маргинальным

*Самый выдающийся эксперт по советской экономике на Западе. Важный аспект его исследования хорошо описал Г. Ханин в готовящейся к изданию книге.

**См. Alexeev, Michael and Lee Walker, Eds. "Estimating the Size of the Soviet Economy. Summary of a Meeting". National Research Council. National Academy Press, Washington D.C., 1991. Несколько месяцев спустя эту позицию защищал на слушаниях в Конгрессе Владимир Трелья.

В 1990 мы с В.Д. Белкиным случайно натолкнулись в "Statistical Abstract of the US, 1989" (с. 822) на утверждение (со ссылкой на ЦРУ и Мировой банк), что душевой валовой национальный продукт (ВНП) в ФРГ меньше, чем в ГДР. Я публично высмеял это, но лишь когда сенатор Мойнихен тоже поднял их насмех, экономисты ЦРУ нехотя признались в авторстве. Сейчас посмотрел предыдущие издания того же справочника, выясняется, что это не описка. Сначала утверждалось, что душевой ВНП в Западной Германии был только раза в полтора выше, чем в Восточной. Никто эту чушь не опровергал, в следующих изданиях разницу уменьшили, ревизуя и цифры за предыдущие годы, пока не поставили ГДР выше.

***Wall Street Journal пару лет назад (каюсь, не записал тогда дату, но если понадобится, найду) в очередной раз сравнил оценки экономистов с прогнозами погоды. Через несколько дней письмо метеоролога: "Простите, господа, но мы — другие, занимаемся научной деятельностью, основываясь на фактах".

****Весь этот подход основан на стопроцентно марксистском представлении, что "в основе цены лежит стоимость", т.е. затраты. Недаром подобные расчеты независимо проделал В.Д. Белкин, в то время — марксист.

экономистам"?), цены должны быть "освобождены" и финансы стабилизированы до приватизации; я же полагаю правильным обратный порядок. Польский опыт показал, что упорядочение цен и финансов без приватизации не очень работает, в октябре тот же путь провозгласил в России, и не жду удовлетворительных результатов. Подозреваю — не все читатели сразу со мною согласятся, поэтому надо сказать, что западная экономическая школа вообще не очень занимается проблемой собственности, наиболее фундаментальной для всех экономик, тем более для стран, попавших в социализм. Сакс — блестящий экономист, но и на нем сказываются особенности "универсального" подхода с упором на макроэкономическую стабилизацию.

Тут предельно важно: будь общэкономические теории помогунее, умей они объяснять не только простое, схематизируемое (поддающееся формализации), но и сложные подлинности реальной жизни, не нужны были бы особые специалисты по экономикам конкретных стран. Если взять другую крайность, будь эти теории просто не заслуживающей внимания ерундой, то не стоило бы с ними и "бороться". На самом деле, скажу это категорически, экономическая наука имеет ряд свершений, в том числе и непосредственно прикладного значения. Увы, их маловато по сравнению с надобностями и, скажу это тоже категорически, по сравнению с претензиями.

3. Даже допуская универсальность западных экономических теорий, нельзя не видеть, что "советское хозяйство" выстроено против них, в нем не действовали основные их аксиомы*. А коли так, то и поуги посоветовать реформам на основе общей теории не проходят. Наш автор говорит, что "экономисты-профессионалы... становятся трижды осторожными, как только речь заходит о переходном к рынку периоде" (с. 767). Осторожность бывает похвальна, но какой, собственно, прок в столь робкой науке?!

Я внимательно слежу за дискуссиями об экономических реформах как в Центральной Европе, так и в б. СССР, читаю и западные работы. Что-то нравится, что-то нет, однако редко обсуждение выходит за пределы здравого смысла, а когда выходит, достижения экономической науки не шибко употребляются. На одном обсуждении в Стокгольме я отметил, что профессия не подготовила нас к наиважнейшей за всю историю нашей науки задаче. Увы, не мы, экономисты (маргинальные и не очень — все равно), доказали своим анализом неуспешность социалистического устройства (Мизес, Бруцкус, Хайек приходят немедленно на ум, но не их работы подготовили катастрофу "модели" — она развалилась под собственной тяжестью). Еще менее оказались мы способными, используя специфический подход, специфический научный инструментарий нашей профессии, предложить нечто оригинальное, притом верное, насчет пути перехода от социализма вперед к капитализму.

Но хватит об экономической советологии, она уходит в историю. Лет десять назад советологи горько сетовали на малое число студентов, дескать, нет смены. Теперь студентов побольше, защищены диссертации (воздержусь обсуждать качество), но с ликвидацией самого предмета исследований придется переквалифицироваться.

4. Даже неудобно писать о такой очевидности, но слишком часто фокусируются на методах и мало внимания обращают на результаты. Разумеется, специфичность методов и отделяет в основном ученого от дилетанта. Не зря также слово "методы" стоит и в заглавии этого журнала. Все же метод не должен быть самоцелью, он нужен только как средство получения верного результата. Увы, требование "высокого профессионализма" выдвигают обычно те, кому не похвастаться результатами**

Не пытаюсь "спустить на землю", "приземлить" любую теорию, что вполне полезны "философствование", абстрактные рассуждения, но нужна же мера, теория должна быть не вместо, а кроме. И вспомним, что немало великих открытий сделано дилетантами. Остановлюсь здесь, но если мне возразят...

5. Еще одно ни в коем случае не надо упускать из виду — западное, и в том числе

* На упомянутой конференции Владимир Канторович заметил, что советские предприятия не руководствуются "универсальной" посылкой о максимизации прибыли. Иначе говоря, попытки описать советскую экономику обычными моделями, где нацеленность на прибыль принимается как аксиома, опираются на негодное средство.

** Не я придумал: "I prefer to be roughly right than precisely wrong".

американское, общество глубоко разделено идеологически, причем интеллектуальная верхушка сильно левее основной массы населения, "молчаливого большинства". По крайней мере частично крах советологии произошел из почти нескрываемых (а иногда искренне неосознаваемых) симпатий экспертов к социализму.

Советский читатель может удивиться заявленному Эдуардом Лимоновым "отвращению к капитализму и буржуазной расе", объявлению "режимов Форда, Картера, Рейгана, Жискара д'Эстена, Миттерана" режимами "железной пяты", наименованием западной системы — "репрессивной" (Литгазета, 16.10.91, с. 5), но Лимонов не одинок — на Западе, особенно среди интеллигенции, у него немало единомышленников. Лишь в самое последнее время, после 1989, явных проявлений таких симпатий поубавилось, хотя и теперь подчеркивают, что в СССР социализм был "ненастоящим".*

В целом, экономическая мысль при всех оговорках идет вперед, однако одно обстоятельство в большой степени обесценивает достижения — наша наука не сумела разглядеть принципиальную порочность социалистической организации экономики, экономисты "с чрезвычайно высокими критериями профессионализма" слышать не хотят о Хайеке (в Америке ему бы никогда не дали Нобелевскую!), из-за идеологии Милтон Фридман — отнюдь не самый уважаемый коллегами экономист. Характерно, что процент экономистов (полу), одобрительно относящихся к разным формам коллективной собственности, много выше, чем процент такой собственности.

Тут, кстати сказать, еще одна причина провала советологии — она испытала сильнейший идеологический пресс, не слишком розовые оценки встречались в штыки на, как мы говорим, кампусах (т.е. в вузах) и в либеральной печати (в той же "Нью-Йорк Таймс").

Всего ничего назад я шокировал московских слушателей заявлением, что единственный выход — немедленное строительство капитализма**, на том твердо стою и ныне, но элементарная добросовестность заставляет указать сложности. Так, на Тайване меня удивило: основная часть тяжелой промышленности плюс железные дороги принадлежали государству, а экономика бегом бежала в гору. Или — почему наш северный сосед, Канада экономически отстает, а южный сосед, Мексика, далеко сзади? Экономика Индии при колоссальном росте населения быстро развивается, но там не капитализм чистого типа***. По поводу каждого из приведенных и подобных примеров можно порассуждать, все же четкого теоретического ответа нет. Мы, разумеется, знаем, что капиталистические экономики бывают очень и не очень успешными, а ни одна социалистическая экономика не удалась, но ведь это ответ эмпирический. Марксизм хотя бы претендовал на "научный" ответ, а западная экономическая наука от него уходит. Уходит, подчеркну, от наифундаментального.

6. Автор почти мельком говорит о едва ли не самом главном сегодня для экономического образования в стране, во всяком случае это не менее важно, чем степень математизации, — отношение к марксизму. Согласен с ним, что советские коллеги знают Маркса не досконально, но предрассудки и ложные аксиомы экономического марксизма засоряют наши плоть и кровь. Не согласен, что надо бы организовать дискуссии "по проблемам формирования цены производства" (непостижимо и зачем автор возвращается к печально знаменитому противоречию между двумя томами "Капитала",

*И в бывшем отечестве с удивлением встречаю экономистов, объявляющих себя социал-демократами, напирających на государственную собственность и государственное регулирование экономики на Западе. Еще год-полтора назад встречал коллег, не стеснявшихся называть себя марксистами. Не менее удивительно — заслуженно известный публицист-экономист еще недавно умолял Л.И. Пияшеву не "толкать под руку", а теперь ("Известия", 1991, № 283) критикует ее "слева" за популизм.

**Впрочем, вполне антисоветский редактор эмигрантского журнала отверг в 1988 текст, где я это прямо говорил. Аргумент — не его просоциалистические симпатии (божился, что их нет), а — "читатели могут нас (!) не так понять".

***Законом в сноску: иные говорят, что главная проблема нашего среднего образования — почти полная монополия штатов и графств. Считаю, что чем меньше роль государства, тем лучше, я все же остерегся бы противной крайности — полной приватизация образования; разделяю точку зрения о всемирном споспешествовании государством равенству исходных возможностей.

давно уже все ясно), но дело-то не в этом. И даже не в экстремально-идеологическом характере марксизма, а в том, что он к тому же попросту неконструктивен, чему несколько причин. Прежде всего, Маркс—Энгельс—Бернштейн—Каутский—Плеханов занимались капитализмом и только им. То же и относительно Ленина: слово "социализм" употреблял много, но заслуживающих внимания идей не было*. Скажут, что сие не столь важно, поскольку и надо, заниматься капиталистической экономикой, так ведь марксисты застряли на капитализме прошлого века. И это бы ничего, но марксизм возведен на гранитном фундаменте принципиальных нелепиц (то же деление производства на "материальное" и "нематериальное", не говоря уже о постулате, что стоимость создается лишь живым трудом) и прямых подтасовок, в частности насчет прибавочного труда**. Не премину отметить — на Западе к марксизму относятся более уважительно, чем в стране проигравшего социализма (хотя обычно экономисты отмечают значение Маркса как социолога, а социологи — как экономиста).

Бесспорно, марксизм принадлежит курсам истории экономических учений, но вне этих узких пределов он просто не относится к делу. Скажу больше, знание теоретического марксизма не очень помогает понять — как устроены и работают социалистические экономики, хотя иногда проясняется, почему именно устроители действовали так, а не эдак. Допустим, что (независимо от причин) где-то решат создать социалистическую экономику. Хотя говорят, что в СССР отстроили "неправильный", не по Марксу и Ленину, социализм, для него нет более-менее отработанной, непротиворечивой системы понятий и категорий, попросту говоря — теоретической базы. Короче, марксизм надо по капле выдавливать из себя.

7. Итак, марксизм не то, что же штудировать? Ответ кажется ясным нашему автору — современные западные теории. Но давайте обсудим ситуацию в цитадели капиталистического мира, как она смотрится в феврале 1992. Недавно закончился период, когда в нарушение всех теорий циклического развития, наша экономика беспрецедентно долго шла вперед. На входе в 1980-е ни один экономист этого не предвидел, не предсказал столь длительный подъем. В начале периода большинство экспертов полагали экономическую политику Рейгана ошибочной и пророчили крупную неудачу. С середины 1980-х заговорили, что подъем перейдет в спад, но не осмеливались называть срок даже приблизительно. Затем вдруг, как мы говорим, "рынок сильно упал": в октябре 1987 цены на фондовой бирже рванули вниз и "бумажная стоимость" капитала страны уменьшилась на пятую часть. Хорошо помню эти дни — эксперты прорисовали тяжелые времена, Дж.К. Гэлбрейт вещал с экрана о полном крахе; лишь немногие уверяли, что рынок скоро оправится, никто не предсказывал, что это произойдет быстро и почти безболезненно, как на самом деле и случилось.

Затем, в конце 1989 появились знаки, что экономика замедляет рост и возможно наступает спад. Обратите внимание на "возможно", общепринятое определение спада таково — по отчету за два квартала подряд объем производства падает. Иначе говоря, как именно работает экономика, находится ли она в спаде, становится известным уже *post factum*, лишь тогда, когда подведен статистический итог, так что о текущем ее состоянии судят по косвенным признакам. Скажем, в 1989 и 1990 администрация Буша упорно твердила, что дела не так уж и плохи, другие вещали о уже наступивших тяжелых временах и никто (!) не мог и все еще не может убедительно описать ситуацию и ее перспективы.

*Еще менее интересны теоретические потуги Бухарина, уж во всяком случае Преображенский и Крицман были пооригинальнее.

**Последнее продемонстрировали Пол Самуэльсон и (независимо) Е.М. Майбурд. Увы, Самуэльсон написал в учебнике (см. издание 1976, с. 881): "Думать, что большинство людей в Восточной Европе несчастны (*miserable*) — вульгарная ошибка". Фразу отметил в одной из статей Пайпс; в учебнике есть другие диковинные утверждения. По тексту на той же странице читатель может подумать, что употреблением методов межотраслевого баланса, а также математического программирования, "развитые советскими математиками (Канторович, Понтрягин...)", плюс такое же, сильно поможет советской экономике. И тоже здесь же выражена солидарность с советологическими оценками сравнительного ее объема.

Настаивают на быстрых фискальных мерах, другие, указывая на лаг между самими мерами и их эффектом, говорят, что ни в коем случае не надо увеличивать бюджетный дефицит (совсем недавно кричали о его губительных последствиях, дефицит возрос, а криков меньше). Еще другие предлагают срезать налоги на рост капитала. Обсуждаются также меры монетарные (читателям этого журнала не надо объяснять разницу), но статья известного экономиста доказывает, что рост количества денег прикрывает резкое ослабление экономики. При этом рынок идет вверх, Дау Джонс перевалил через трехтысячную отметку, что должно бы означать не такие уж плохие дела (биржа лучше экономистов-теоретиков понимает состояние экономики); впрочем, в середине ноября Дау Джонс взял, да и упал за один день на 120 пунктов. Среди авторитетов есть сильные оптимисты и не менее ярые пессимисты. А речь ведь идет не о теории (иначе говоря, не о методах, а о результатах); большинство американцев постоянно принимают решения, связанные со сбережениями (в том числе на старость), с покупкой недвижимости, с игрой на бирже и т.д.

Описание намеренно примитивизировано, но оно отмечает главные события. Я подчеркивал разброс мнений о текущем и неспособность попасть с прогнозом; еще хуже — не меньше несогласий насчет прошлого! Нет сколько-нибудь общепринятой точки зрения о причинах падения рынка 19 октября 1987, полный разнобой мнений об успешности экономической политики Рейгана.

8. Глупо выступать против применения экономистами математики и не на это я целюсь. Мультипликатор, монетарный подход, эластичность, способы расчета индексов, да мало ли создано полезного. Зачин 30 лет назад матметодов в СССР исполнил важную задачу — приглушили болтунов и неграмотных пропагандистов, стали больше внимания (не все!) обращать на цифры. Но значительная и самая влиятельная часть западной экономической науки сильно перегнула палку в сторону "перематематизации". Нет ничего худого в строительстве разных моделей и доказательствах теорем, а тем более в стремлении основывать суждения на строго проверяемых посылках; беда, коли не вина, экспертов в неприятном факте — для строительства моделей приходится упрощать, схематизировать, отбрасывать факторы, которые не лезут в модель, не поддаются точным определениям и счету.

Хорошо, скажет читатель, а что же предлагается? Со смущением признаюсь, что мне легче дать рецепт, что надо (и не надо) делать с советской экономикой, чем как именно и чему конкретно учить будущих экономистов, особенно аспирантов. Речь не о статистике, бухгалтерии, банковском деле, организации финансов и т.п., а об общеэкономической теории. Что касается студентов, то их надо подробно знакомить с основными понятиями, но позволю себе усомниться в надобности обилия математики. Что же касается аспирантов, то, по-видимому, надо дать им выбор — хочет человек заниматься формальными вещами, пусть его, но опрометчиво полагать, что вне математики нет экономической науки. И хотя дружу с совсем неплохими экономистами, произошедшими из других областей, все же это никак не должно быть правилом — даже блестящее знание математики не заменяет экономическую грамотность, необходимую в экономической аспирантуре.

Надо всячески помочь будущему ученому знать конкретику: как работает предприятие (для моего общеэкономического кругозора годы, проработанные в молодости заводским плановиком, оказались бесценными), каковы хозяйственные взаимоотношения, где что расположено, каковы цены (т.е. текущую конъюнктуру), все это помогает обрести и нарастить интуицию, которая в нашей профессии частенько важнее формул. Говорю это потому, что советские коллеги (теряюсь — как вас теперь называть, коллеги из бывшего СССР?) не всегда знают элементарную статистику, мировую цену золота — серебра — нефти, принципы работы фондовой биржи и т.п.

Самое же главное, из-за чего я, собственно, и начал отстукивать этот текст, надо ясно понимать непростое положение западной экономической науки, трезво оценивать ее ограниченные практические возможности, ее реальные практические достижения. Повторю еще раз — необходимо различать состояние западных экономик и состояние экономической науки. А повторив, поясню, что напрашивается аналогия с литера-

турой и литературной критикой: критика не создает писателей; плох тот писатель, который следует советам критиков, мало кто читает послесловия-предисловия.

9. В заключение о странностях в терминологии автора. Я недоумевал, что значит "полный доктор философии" пока не сообразил, что термин произошел из попытки приравнять американские и вообще западные степени к советским. Без длинных объяснений укажу, что американский бакалавр (bachelor) несколько выше выпускника техникума, высшее образование примерно равно магистру (masters), а доктор философии (philosophy doctor) — эквивалент кандидата наук. Кстати, автор зря упирает при ранжировании на годы обучения.

Коробит определение "понятия затрат от упущенных возможностей", точнее бы говорить тут не о затратах, а о "недополученном доходе". Никак не уразумею что такое "социальное рыночное хозяйство" (с. 767). Напрасно "Управление по оценке технологии Конгресса США" автор зовет "одной из самых влиятельных фабрик мысли", реальное значение конторы много ниже.

Зачем штамп "изобрести велосипед" ослаблен словом "деревянный" (с. 775)? А что такое "политико-эконом" (с. 772), если имеется в виду "политэконом", то лучше бы так и говорить. Не нравится мне и "рыночная экономика", хотя тут вина автора минимальна — многие применяют термин и в результате такой неаккуратности появился "социалистический рынок"* . Наиточно, по-моему, — "экономика, основанная на частной собственности", а короче — "капиталистическая экономика". Спор не о словах: "рыночная экономика" подчеркивает механизм, я же полагаю главным, основополагающим, право собственности.

Все это мелочи, повторю благодарность автору за постановку действительно настоящей и непростой проблемы.

Поступила в редакцию
3 I 1992

---

*Чтобы далеко не ходить за примерами, "Вопросы экономики", 1990, № 7 открываются статьей о "переходе к регулируемой рыночной экономике", даны также материалы "Дискуссии о социалистической рыночной экономике", а в конце номера — рецензия против "упований на реставрацию капитализма", которые "обычно строятся на лубочно-либеральном его изображении". У очень многих экономистов, в том числе вознесенных на самый верх, можно найти совсем недавние заявления против возвращения в лоно капитализма, эксплуатации, а особо — против частной собственности.